

Е. И. ЦАРЕНКО

К ВОПРОСУ О ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПРОТОКЕЧУА

1. Распространение языка кечуа, как известно, связано с территориальной экспансией инков в XV—XVI вв. Этот процесс напоминает романизацию в Европе: в обоих случаях сравнительно немногочисленные группы завоевателей навязывали свои языки и культуру гораздо более многочисленному коренному населению. Социально-экономическая политика Испании после завоевания ею «империи» инков способствовала дальнейшему расширению позиций языка кечуа за счет других языков Андского нагорья¹. Поэтому естественно, что в формировании кечуанских диалектов важную роль играли субстратные, суперстратные и т. п. влияния.

В качестве официального языка государства инков был принят столичный диалект г. Куско, называемый иногда «имперским», или «классическим», инкским. Значение его для изучения истории языка кечуа очевидно. Из современных диалектов наиболее близки к классическому диалекты, распространенные в Перу — Куско (департаменты Куско и Пуно) и Аякучо (департаменты Аякучо, Уанкавелика и Апуримак)². Эти три южных диалекта кечуа можно выделить в особую подгруппу — «инкскую». Другие южные диалекты — боливийский и Сантьяго-дель-Эстеро (Аргентина) по некоторым особенностям грамматики и лексики отличаются от инкских. В целом же южная диалектная группа довольно четко отграничивается от двух других групп — северной (диалекты Эквадора и прилегающих районов Перу и Колумбии) и центральной (диалекты северного и центрального Перу).

Вместе с тем по такой важной черте звукового строя, как наличие ларингализованных (придыхательных и смычно-гортанных) фонем в подсистеме смычных, периферийные южные диалекты — Аякучо и Сантьяго-дель-Эстеро — вместе с центральными и большинством северных противостоят двум другим южным диалектам — Куско и боливийскому. Таким образом, классификация кечуанских диалектов по лексико-грамматическим признакам не совпадает с их фонологической классификацией.

По вопросу об исконности ларингализации есть различные точки зрения³, которые можно свести к двум основным. Если принять, что «эпицентр» распространения языка кечуа находился в долине Куско, то естественна мысль о сохранении первоначального состояния кечуанского консонантизма в современном диалекте Куско. В большинстве же диалектов, развившихся в результате насаждения говора Куско среди покоренных инками племен и народностей, ларингализация смычных могла бы исчез-

¹ См. об этом., например: Ю. А. З у б р и ц к и й, Проблемы национальной консолидации кечуа, сб. «Нации Латинской Америки», М., 1964.

² См., например: А. Т о r e r o, Los dialectos quechuas, «Anales científicos de la Universidad Agraria», III, Lima, 1965.

³ Обзор и анализ их см.: В. F e r r a r i o, Dialettologia ed i problemi interni della runa-simi (vulgo quechua), «Orbis», V, 1, 1956; С. O r r, R. E. L o n g a c r e, Proto-Kechumaran, «Language», XLIV, 3, 1968.

нуть под воздействием местных субстратов⁴. Вариантом данной точки зрения можно считать и решение, предложенное К. Опп и Р. Лонгакром⁵. Правда, вместо ларингализованных фонем эти авторы выводят для протокечуа двухфонемные сочетания смычных с ларингалами типа «тесно сплетенных пучков (closeknit clusters)». Однако при этом не объясняется, почему в одних случаях ларингалы бесследно исчезли, а в других — превратились в дифференциальные признаки фонем.

По другой точке зрения, ларингализация смычных в языке кечуа — явление вторичное, обусловленное влиянием языка аймара, в котором также есть аналогичные серии согласных⁶. Дело в том, что язык аймара перед инкским завоеванием был распространен на гораздо более обширных пространствах, чем в настоящее время, занимая все боливийское нагорье и южные районы Перу. Но затем большая часть носителей этого языка подверглась кечуанизации. Ларингализация же свойственна главным образом тем кечуанским диалектам, которые сложились на территории исконного обитания народа аймара⁷.

Нетрудно заметить, что обе точки зрения основываются главным образом на соображениях историко-этнологического характера. Однако в лингвистическом исследовании данную проблему желательно решать методами лингвистики. Наша задача — путем чисто лингвистического анализа установить, какой из диалектов инкской подгруппы следует считать более архаичным по звуковому строю (в частности, в отношении ларингализации). После этого можно будет приступить к решению вопроса о характере фонологической системы протокечуа.

Сравнению фонологических систем диалектов Аякучо, Куско и классического инкского посвящена статья известного специалиста по истории и культуре древних инков Дж. Роу⁸. Мы в значительной степени будем опираться на его материалы, но основное внимание уделим не парадигматическим, а синтагматическим отношениям между фонемами.

2. Фонологические системы современных диалектов Аякучо и Куско выглядят следующим образом⁹:

⁴ О языковой ситуации на Андском нагорье в течение инкского и колониального периодов см.: P. Rivet, G. de Créqui-Monfort, *Bibliographie des langues aymara et kichua*, I, Paris, 1951, стр. VII—XXXV; P. Rivet, *Les langues de l'ancien diocèse de Trujillo*, «Journal de la Société des américanistes de Paris», XXXVIII, 1949.

⁵ C. Opp, R. E. Longacre, указ. соч.

⁶ См., например: D. de Torres Rubio, *Arte de la lengua aymara*, Lima, 1967 (1-а ед. — 1616); E. W. Middendorf, *Die Aimará-Sprache*, Leipzig, 1891; M. R. Paredes, *Vocabulario de la lengua aymara*, La Paz, 1971. В настоящее время на языке аймара говорят в высокогорных районах Боливии и отчасти Перу, прилегающих к озеру Титикака (ср. карту языков доколумбовой Америки в кн.: «Handbook of South American Indians», VI, Washington, 1950). Распространение языка аймара в доинкскую эпоху обычно связывают с влиянием культуры Тиауанако, центр которой, как известно, находился на берегах оз. Титикака.

⁷ Следует отметить, что ларингализованные и другие комплексные согласные в общем мало свойственны языкам Южной Америки, в отличие от многих североамериканских языков (см.: T. Milewski, *Phonological typology of American Indian languages*, в кн.: «Etudes typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique», Kraków, 1967). Тем не менее, глоттализированные смычные встречаются в некоторых языках, смежных с языком аймара (в области его первоначального распространения), как, например, чипайя (см.: R. Olson, *The syllable in Chipaya*, IJAL, XXXIII, 1, 1967) и матако (см.: M. T. Vinas Urquiza, *Fonología de la lengua mataka*, Buenos Aires, 1970).

⁸ J. H. Rowe, *Sound patterns in three Inca dialects*, IJAL, XVI, 3, 1950.

⁹ Здесь не учитываются фонемы, встречающиеся только в испанизмах. О фонематичности гортанной смычки /ʔ/ в диалекте Куско см.: Е. И. Царенко, О ларингализации в языке кечуа, ВЯ, 1972, 1 (там же см. основную библиографию по языку кечуа и его диалектам). Наличие гортанной смычки в диалекте Аякучо постулирует Дж. Роу (см.: J. H. Rowe, указ. соч., стр. 141), но в других работах по этому диалекту о ней ничего не говорится. В ходе приводимого ниже анализа использовались показания информантов, тексты, словари и грамматические описания.

	Аякучо						Куско					
Согласные:	p	t	ch	k	q	(ʔ)	p	t	ch	k	q	ʔ
							ph	th	chh	kh	qh	
							p'	t'	ch'	k'	q'	
	m	n	ñ				m	n	ñ			
		r						r				
		l	ll					l	ll			
		s		(x)	h			s		(x)	h	
	w		y				w		y			
Гласные:	i		u				i		u			
	a						a					

Как видим, единственное, хотя и весьма существенное, различие между двумя фонологическими системами заключается в том, что в диалекте Куско среди смычных фонем имеются аспирированная и глоттализованная коррелятивные серии, отсутствующие в диалекте Аякучо. По свидетельствам первых грамматистов, в классическом инкском также имелись смычные трех типов ¹⁰.

Более разнообразны, хотя на первый взгляд и не так уж существенны, различия между рассматриваемыми фонологическими системами в синтагматическом плане. Эти различия связаны с наличием сильных и слабых позиций и с особенностями употребления в этих позициях согласных фонем.

При выделении типов позиций будем исходить из понятия различительной способности позиции. Различительная способность фонемной позиции определяется сферой употребления согласных фонем, т. е. тем, как много фонем употребляется и скольким фонемам может противопоставляться та или иная фонема в данной позиции. Различительная способность позиции тесно связана с силой фонологической оппозиции ¹¹: она тем больше, чем больше сила фонологических оппозиций, в которые могут входить встречающиеся в этой позиции фонемы.

В языке кечуа преобладают двусложные основы типа CV(C)CV(C). Поскольку согласное начало слога обязательно, а согласный исход факкультативен, звуковой облик слов различается главным образом за счет их начальнослоговых элементов. С этой точки зрения сильными позициями оказываются позиции начала слога, а слабыми — позиции конца слога. Консонантный состав как начала, так и конца слога тем проще, чем дальше тот или иной слог от начала слова; следовательно, различительная способность фонемной позиции тем больше, чем эта позиция ближе к началу слова, и тем меньше, чем она ближе к концу слова.

Таким образом, максимальной различительной способностью обладает начальнослоговая позиция начала слова (назовем ее *первой сильной позицией*); несколько слабее начальнослоговая позиция середины слова (*второй сильной позицией*). В свою очередь конечнослоговая позиция середины слова (*первая слабая позиция*) сильнее конечнослоговой позиции конца слова (*второй сла-*

¹⁰ См., например: «La primera gramática quechua escrita por Fr. Domingo de Santo Tomás, publicada en Valladolid en 1560», Quito, 1947; R. Aguilar Páez, Gramática quechua y vocabularios (Adopción de la 1-a ed. de la obra de Antonio Ricardo «Arte, y vocabulario de la lengua general del Perv llamada quechua, y en la lengua española» Lima, 1586), Lima, 1970; D. González Holguín, Vocabulario de la lengua general de todo el Perv llamada lengua qquichua o del Inca, Lima, 1952 (1-a ed.— 1608); J. J. von Tschudi, Die Kechua-Sprache, Abt. 1—3, Wien, 1853.

¹¹ См.: В. К. Журавлев, К понятию «силы» фонологической оппозиции, сб. «Фонетика. Фонология. Грамматика», М., 1971.

б а я п о з и ц и я). Различительная способность обеих слабых позиций, естественно, гораздо меньше, чем различительная способность обеих сильных позиций. Типы позиций для согласных фонем продемонстрируем на примере слова *kuntur* «кондор»: *k* — 1-я сильная позиция, *n* — 1-я слабая позиция, *t* — 2-я сильная позиция, *r* — 2-я слабая позиция.

Теперь рассмотрим особенности фонемных позиций в каждом из инкских диалектов.

Диалект Аякучо. В 1-й сильной позиции употребляются все согласные фонемы. Во 2-й сильной позиции возможны те же фонемы, что и в 1-й, за исключением ларингальных /ʔ/, /h/.

Для слабых позиций в целом характерна значительно более узкая сфера использования согласных ввиду преобладания открытых слогов. Кроме того, если в сильных позициях употребляются главным образом смычные, то в слабых позициях предпочтение отдается сонантам и фрикативным: /m/, /n/, /l/, /r/, /s/, /w/, /y/. Однако фонемы /m/, /l/, /w/ встречаются довольно редко в 1-й и особенно во 2-й слабой позиции.

Из смычных фонем наиболее характерна для слабых позиций глубокозадняязычная /q/: *llaqa* «селение», *suma* «красивый». В 1-й слабой позиции возможны и другие смычные: *rapra* «крыло», *ʔutqay* «быстрый», *pichqa* «пять», *chakra* «поле» и т. п. Во 2-й слабой позиции употребление смычных (за исключением /q/) ограничено. Фонема /p/ во 2-й слабой позиции встречается в нескольких словах (*haykar* «сколько», *chiqar* «правдивый»), а также в окончании посессива при гласном исходе основы: *ripa* «человек», *ripa-p* «человека»¹². Фонема /ch/ появляется только в одной грамматической форме — при наличии аффикса, выражающего неуверенность, сомнение: *qam* «ты» — *qam-chu* «ты ли?» — *qam-chu-ch* «может быть, ты?» Фонема /t/ во 2-й слабой позиции не употребляется совсем. Следует отметить, что в диалекте Аякучо смычные согласные фонемы во всех позициях реализуются в общем одинаково — в виде смычных сегментов соответствующего места образования¹³.

Диалект Куско. Синтагматику фонем диалекта Куско рассмотрим в сравнении с диалектом Аякучо. С одной стороны, количество фонем, возможных в сильных позициях, здесь гораздо больше, чем в диалекте Аякучо. Это обусловлено наличием в фонологической системе Куско (К.), в дополнение к пяти простым смычным, еще десяти фонем — пяти придыхательных и пяти смычно-гортанных. Всем трем типам кусканских смычных в Аякучо (А.) соответствуют простые: *K. p'unshaw* «день», *A. rinshaw*; *K. qharaq* «богатый, могущественный», *A. qaraq* и т. д. В Куско сфера употребления ларингализованных в 1-й сильной позиции гораздо шире, чем во 2-й сильной позиции, в которой они возможны лишь тогда, когда предшествующие слоги начинаются на несмычные: *ch'aki* «сухой», но *sach'a* «куст»; *t'ika* «цветок», но *rit'i* «снег»; *phuyu* «туча», но *saphi* «корень» и т. д.

С другой стороны, между диалектами Куско и Аякучо можно отметить некоторые различия в характере употребления согласных в слабых позициях.

1) В отличие от диалекта Аякучо, в диалекте Куско смычные фонемы в слабых позициях реализуются в виде фрикативных аллофонов соответ-

¹² В настоящее время в говорах аякучанской диалектной зоны наблюдается тенденция в замене окончания *-p* вариантом *-pa*, который раньше употреблялся только при согласном исходе основы: *ripa* — *ripa-pa*, по аналогии с *kuntur* — *kuntur-pa*.

¹³ Однако в собственно аякучанском говоре существует тенденция к фрикативизации фонемы /q/ — единственной смычной, которая часто употребляется в слабых позициях (см.: G. J. Parker, *Ayacucho Quechua grammar and dictionary*, The Hague — Paris, 1969, стр. 17).

ствующего места образования: /p/ ~ [ɸ], /t/ ~ [θ], /ch/ ~ [ʃ], /k/ ~ [x], /q/ ~ [χ].

2) В сравнении с диалектом Аякучо, сфера употребления большинства смычных в слабых позициях ограничена:

а) Фонема /p/ во 2-й слабой позиции не встречается; ср. *A. haykar, chiqar, K. hayk'aq, chiqaq*; ср. также формы посессива: *A. runa-p/runa-pa, K. runa-q*. Часто употребляемым аякучанским формам с аффиксом соотнесенности действий *-pti-* в Куско соответствуют формы на *-qti-*: *A. hamu-pti-y* «когда я прихожу» — *K. hamu-qti-y*. Наблюдается тенденция к переходу /p/ > /q/ (иногда /p/ > /k/) и в середине некоторых слов: *A. rapra* «крыло», *K. rapra/raqra*; *A. chapra* «хвост», *K. ch'apra/ch'aqra*; *A. ?urpa* «пить», *K. ?urpa-/?ukya-*. Отметим, что в боливийском диалекте процесс вытеснения фонемы /p/ из слабых позиций с переходом ее в фонему /q/ завершился.

б) Фонема /t/, употребляемая, как и в Аякучо, только в 1-й слабой позиции, имеет тенденцию переходить в /s/: *A. ?utqay* «быстрый», *K. ?utqhay/?usqhay*; *A. ?utqu* «мозг», *K. ?utqhu/?usqhu* (ср. бол. *ñuqtu*); *A. sutka* «поскользнуться», *K. sutkha-/suskha-*; *A. tatki* «шаг», *K. thatki/thaski*; *A. mutki-* «нюхать», *K. mutkhi-/muskhi-*.

в) Почти полностью устранена из слабых позиций фонема /ch/. В 1-й слабой позиции эта фонема, реализуемая в виде среднеязычного двухфокусного фрикативного [ʃ], сохраняется лишь в двух-трех словах. Но и здесь она уступает место фонеме /s/: *A. qichwa* «кечуа», *K. qhichwa/qhiswa*; *A. ?achka* «много», *K. ?achkha/ ?askha*; *A. michka* «молодой початок кукурузы», *K. michka/miska*. В остальных случаях аякучанскому /ch/ в Куско соответствует только /s/: *A. ?uchpa* «пепел», *K. ?uspha* (ср. бол. *?uchpa*); *A. pichqa* «пять», *K. phisqa* (ср. бол. *phichqa*) и т. д. Кроме того, часто употребляемый аффикс продолженности действия, имеющий в Аякучо форму *-chka-*, в Куско выступает в виде *-sya-* (<-ska-): *A. ri-chka-n* «он идет (в данный момент)», *K. ri-sya-n*. Во второй слабой позиции фонема /ch/ не употребляется: *A. gam-chu-ch* «может быть, ты?», *K. gan-chu-s*.

г) Сокращается сфера употребления фонемы /k/. Так, аякучанским личным формам на *-chik* в Куско соответствуют формы на *-chis*: *A. ri-n-chik* «мы с вами идем», *ri-nki-chik* «вы идете», *wasi-n-chik* «наш с вами дом», *wasi-yki-chik* «ваш дом» — *K. ri-n-chis, ri-nki-chis, wasi-n-chis, wasi-yki-chis*. Ср. также: *A. ?inchik* «земляной орех», *K. ?inchis*; *A. wikchu-* «выбрасывать», *K. wikchu-/wisch'u-*. Иногда /k/ переходит в /q/: *A. huk* «один», *K. huk/huq*; *A. wiksu* «кривой», *K. wigsu*; *A. wak* «другой», *K. wak/waq*.

3) Аякучанским носовым /n/, /m/ в слабых позициях в Куско соответствует одна фонема /n/: *A. kancha* «двор», *K. kancha*; *A. hatun* «большой», *K. hatun* и т. д., но: *A. gam* «ты», *K. qan*; *A. kimsa* «три», *K. kinsa*; *A. llamka-* «работать», *K. llank'a-* и т. д.

4) Сокращается употребление «полугласной» фонемы /w/ в пользу другой «полугласной» /y/: *A. punchaw* «день», *K. p'unchaw/p'unchay*; *A. wawqi* «брат», *K. wawqi/wayqi*; *A. lliw* «весь», *K. lliw/lluy*; *A. kiraw* «колыбель», *K. k'iraw/k'iray*; *A. rawta-* «подстригать деревья», *K. rawta-/rayta-*.

Таким образом, в диалекте Куско получают дальнейшее развитие и логическое завершение тенденции, отмеченные для диалекта Аякучо. Редко употребляемые в слабых позициях фонемы постепенно уступают место другим фонемам, более типичным для этих позиций. Тем самым звуковой состав конца слога в кусканском варианте оказывается менее разнообразным, чем в Аякучо.

Классический инкский диалект. Для классического инкского (КИ) достаточно указать, что поведение согласных в слабых позициях в нем почти

то же, что и в диалекте Аякучо, а по употреблению согласных в сильных позициях этот диалект мало отличается от современного диалекта Куско. Можно отметить только определенное расширение сферы употребления ларингализованных фонем в современном диалекте Куско по сравнению с классическим — также замену фонем /t/ и /ll/ в сильных позициях в некоторых словах периферийной фонемой /l/: КИ. *rirp'u* «водная гладь, зеркало» — К. *lirp'u*; КИ. *luychi* «вид оленя» — К. *luychi*.

3. При диахронической интерпретации вышеизложенных фактов возможны два пути рассуждения.

Если стать на ту точку зрения, что все современные южные диалекты (в том числе диалекты Куско и Аякучо) развились из классического инкского, то мы получим выводы, аналогичные тем, к которым ранее пришел Дж. Роу¹⁴: 1) современный диалект Куско, являющийся непосредственным продолжением классического инкского, в основных чертах сохраняет парадигматику исконной ф фонологической системы кечуа. Мало изменилась и сфера употребления согласных фонем в сильных позициях. В то же время произошли заметные изменения в характере употребления согласных в слабых позициях; 2) в современном диалекте Аякучо существенно упростилась система согласных за счет исчезновения ларингализации смычных. В синтагматическом плане это привело к значительному сокращению инвентаря согласных фонем, употребляемых в сильных позициях. В то же время характер употребления согласных в слабых позициях не претерпел сколько-нибудь существенных изменений.

Однако такие выводы внутренне противоречивы. В самом деле, если согласиться с тем, что в диалекте Аякучо первоначальные три серии смычных по неким причинам слились в одну, то остается неясным, почему такое коренное изменение одного из важнейших участков фонологической системы никак не отразилось на других ее участках. В частности, естественно было бы ожидать, что связанное с уменьшением количества согласных фонем в системе резкое сокращение сферы употребления согласных в сильных позициях должно было компенсироваться за счет слабых позиций¹⁵. Кроме того, остаются необъясненными причины довольно заметных изменений в поведении согласных в слабых позициях, имевших место в диалекте Куско.

Эти противоречия в выводах снимаются, если предположить, что кечуанской фонологической системе искони не было свойственно разделение смычных на коррелятивные серии и что ларингализация смычных в диалекте Куско (как современном, так и классическом) носит вторичный характер. Тогда в протокечуа инвентарь фонем, возможных в слабых позициях, был бы почти тот же, что и для сильных позиций. Функция словоразличения была бы закреплена в основном за сильными позициями ввиду относительно малой употребительности согласных в слабых позициях.

Расщепление серии смычных на три коррелятивные серии неизбежно должно было нарушить равновесие системы. Действительно, наличие в сильных позициях 26 фонем вместо прежних 16 (увеличение почти на 2/3) резко увеличивает различительную способность сильных позиций. А это делает излишним сохранение в прежнем объеме различительной способности слабых позиций, которые с самого начала уступали в этом отноше-

¹⁴ J. H. R o w e, указ. соч., стр. 148.

¹⁵ В северных диалектах, представляющих собой упрощенный, «пиджинизированный» вариант диалекта Куско, утрата ларингализации почти не отразилась на характере слабых позиций. Но связанное с этим ослабление различительной способности сильных позиций отчасти компенсировалось развитием звонких смычных и аффрикат, употребляемых в основном в сильных позициях. См. об этом: С. O r r, Ecuador Quichua phonology, сб. «Studies in Ecuadorian Indian languages», Norman (Ocl.), 1962.

нии сильным позициям. Наблюдаемые в современном диалекте Куско явления нейтрализации в слабых позициях и являются отражением данной тенденции. Этот процесс, по-видимому, начался на рубеже XVII—XVIII вв., поскольку уже в рукописи драмы «Ольянтай», относящейся к середине XVIII в., закономерности употребления согласных в значительной мере соответствуют современным нормам¹⁶. Появление же комплексов смыхных в диалекте Куско, очевидно, следует датировать временем, предшествующим периоду инкской экспансии. Что касается диалекта Аякучо, то здесь упрощение структуры конца слога не произошло, так как отсутствовала соответствующая причина — увеличение различительной способности сильных позиций. Таким образом, точка зрения, что в фонологической системе Аякучо в основном сохраняется исходное состояние протокечуанского консонантизма, лучше позволяет объяснить некоторые тенденции языкового развития.

4. Дополнительного анализа требует вопрос о причинах появления и развития ларингальности в языке кечуа. Можно думать, что появление дифференциальных признаков придыхания и глоттализации у части смыхных связано с влиянием языка аймара. Но, по справедливому замечанию А. Мартине, «хотя природа различительных признаков может изменяться..., говорящие все же никогда не создают ex nihilo новые различительные признаки»¹⁷. Ссылкой на влияние языка аймара можно было бы удовольствоваться, если бы ларингализация характеризовала некоторую ограниченную группу заимствованных слов¹⁸. Но ларингализация — одна из наиболее характерных черт языка кечуа; она охватывает почти половину искомого лексического фонда и имеет тенденцию распространяться на все новые слои лексики. Следовательно, должны существовать внутриязыковые факторы, вызвавшие к жизни ее столь широкое развитие.

На поставленный вопрос ответить трудно, если не учитывать весьма своеобразную функциональную природу кечуанской ларингальности. Специфика ее заключается в двойственной природе ларингальных фонологических единиц. Как ларингальные фонемы, так и ларингальные признаки, в дополнение к своей основной функции (соответственно фонематической и меризматической), несут ту функциональную нагрузку, которая обычно свойственна просодическим единицам культиминативного типа. Такое совмещение разнородных функций одними и теми же звуковыми элементами не может не сказаться отрицательно на полноценном выполнении каждой из совмещаемых функций. Ларингальные фонемы имеют ослабленную «фонемность», а ларингальные признаки — ослабленную «признаковость». Но наличие фонемности и признаковости, пусть даже в ослаб-

¹⁶ Текст драмы см.: A. V a l d e z, Ollantay, Cuzco, 1958. В другом, более раннем драматическом произведении — «Блудный сын», написанном в XVII в., в основном действуют еще старые правила употребления согласных, хотя весьма многочисленные и случаи отклонений от этих правил; см.: «El hijo pródigo», в кн.: E. W. M i d d e n d o r f, Dramatische und lyrische Dichtungen der Keshua-Sprache, Leipzig, 1891.

¹⁷ А. М а р т и н е, Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 242. К этому можно добавить, что различительные признаки равным образом не могут исчезать совершенно бесследно (см. выше о компенсирующем озвончении в эквадорских диалектах).

¹⁸ Ср. происхождение смыхно-гортанных звуков в осетинский язык, обусловившее перестройку осетинского консонантизма по образцу автохтонных языков Кавказа (В. И. А б а е в, Смычно-гортанные согласные в осетинском языке, в кн.: «Осетинский язык и фольклор», I, М. — Л., 1949), или расщепление серии глухих смыхных на тройные ряды (типа *p* — *ph* — *p'*) в «озерном» диалекте языка мивок (группа калифорнийских пенути) под воздействием соседних неродственных языков (С. A. C a l l a g h a n, Phonetic borrowing in Lake Miwok, сб. «Studies in Californian linguistics», Berkeley — Los Angeles, 1964).

ленном виде, не позволяет в полной мере проявиться и их «просодичности». Отсюда слабость и неустойчивость ларингальных фонологических единиц, склонность их к спонтанному возникновению и исчезновению¹⁹.

Исследование кечуанской ларингальности отчасти осложняется отсутствием надежных типологических параллелей. Косвенным подтверждением вышеизложенного можно считать некоторые общие особенности ларингальных звуковых образований. Ларингалы отличаются чрезвычайно многообразной функциональной природой, способностью принадлежать к самым различным фонологическим уровням. В частности, в некоторых языках они обнаруживают связь с просодическим уровнем²⁰. Общеизвестными примерами просодических единиц с участием ларингальных артикуляций являются «толчок» в датском языке и преаспирация в исландском²¹. Гортанная смычка относится к числу тонов в некоторых тибето-бирманских языках; ларингализованные тоны противопоставляются неларингализованным в кетском языке, во вьетнамском и в ряде других тональных языков Юго-Восточной Азии; глоттализованный тон, наряду с «нормальным» и носовым, отмечен в меланезийском языке уаилу (Новая Каледония)²². Ларингализацией сопровождается «четвертый тон» в языке мундуруку (семья туй-гуарань, Бразилия)²³. В акомском диалекте языка керес (Нью-Мексико, США) употребляется глоттальный акцент, а в диалекте Санта-Ана — еще и «придыхательный» (наряду с общими для всех диалектов керес высоким и падающим акцентами)²⁴. Ларингализация наряду с тоном является важной просодической характеристикой слога в моносиллабическом чинантекском языке (штат Оахака, Мексика); возможна просодическая интерпретация гортанной смычки в языке каинганг (Бразилия), тагальском языке, а также тотонакском и некоторых других тональных языках Мексики²⁵.

Своеобразие функциональной природы ларингалов проявляется также в возможности перехода их с одного фонологического уровня на другой и в определенных связях с единицами других фонологических уровней. Так, в языках Юго-Восточной Азии характер тона тесно связан с типом инициалей, причем тоны могут быть обязаны своим происхождением преаспирации и преглоттализации согласных²⁶. Типичным для этих языков является также развитие ларингального тона из сегментной гортанной смычки, источником которой могут быть обычные согласные финали²⁷.

¹⁹ См.: Е. И. Царенко, К функциональной характеристике ларингальности в языке кечуа, ВЯ, 1973, 3.

²⁰ См. об этом: Вяч. Вс. Иванов, О происхождении ларингализации — фарингализации в енисейских языках, сб. «Фонетика. Фонология. Грамматика».

²¹ См., например: А. С. Либерман, Исландская просодика, Л., 1971.

²² R. Burling, Proto Lolo-Burmese, IJAL, XXXIII, 2, pt. 2, 1967; Г. Р. Вернер, К фонологической интерпретации ларингального смычного в кетском языке, ВЯ, 1969, 1; Вяч. Вс. Иванов, указ. соч., стр. 125—129; J. Kasahérou, Prosodèmes de la langue mélanésienne de Houailou (Nouvelle Calédonie), BSLP, LVI, fasc. 1, 1961.

²³ I. Braun, M. Crofts, Mundurukú phonology, «Anthropological linguistics», VII, 7, 1965.

²⁴ W. R. Miller, Acoma grammar and texts, Berkeley — Los Angeles, 1965, стр. 8—9; W. R. Miller, I. Davis, Proto-Keresan phonology, IJAL, XXIX, 4, 1963, стр. 317.

²⁵ W. R. Merrifield, Palantla Chinantec syllable types, «Anthropological linguistics», V, 5, 1963; U. Wiesemann, Die phonologische und grammatische Struktur der Kaingang-Sprache, The Hague—Paris, 1972, стр. 111, 161—162; Вяч. Вс. Иванов, Комментарий к кн.: Е. Д. Поливанов, Статьи по общему языкознанию, М., 1968, стр. 334—335; H. P. Aschmann, Totonaco phonemes, IJAL, XII, 1, 1946.

²⁶ A. G. Haudricourt, Bipartition et tripartition dans les systèmes de tons de quelques langues d'Extrême-Orient, BSLP, LVI, fasc. 1, 1961.

²⁷ Вяч. Вс. Иванов, О происхождении ларингализации — фарингализации в енисейских языках, стр. 134—136.

В панджаби музыкальный тон появляется на месте дифференциального признака аспирации²⁸. В то же время «толчок» и преаспирация в различных скандинавских языках и диалектах тесно связаны с музыкальным акцентом²⁹. В самодийских языках источником протетических гортанных смычек (впоследствии подвергшихся назализации в ненецком языке) могло послужить сильное экспираторное ударение на начальном неприкрытом слоге³⁰.

В свете приведенных фактов можно представить себе следующий путь развития ларингальности в языке кечуа. Как указывается в первой грамматике языка кечуа, в классическом инкском середины XVI в. акцентуационные единицы в некоторых случаях были закреплены за корневой, т. е. начальной частью слова³¹ (в большинстве современных диалектов ударение подвижное и приходится на предпоследний слог). Это позволяет допустить, что в протокечуа некоторые просодические единицы (вопрос о физической природе которых остается пока открытым) также могли характеризовать начальную часть слова.

В языке аймара дифференциальные признаки ларингализации обычно связаны с первым по порядку смычным в данном слове, т. е. тоже являются своего рода сигналом начала слова³². В ходе межъязыковых контактов аймаранские дифференциальные признаки могли быть восприняты языковым сознанием кечуа как своего рода просодические признаки слова (кульминаторы) благодаря контаминации с кечуанскими «протопросодемами». Просодическая трактовка ларингальности лучше позволяет объяснить чрезвычайно широкое развитие ее в современном кечуа³³; как известно, просодические системы довольно легко испытывают разного рода перестройки и переходят из одного языка в другой. В дальнейшем этот процесс охватил ларингальные элементы, уже имевшиеся в языке кечуа — ларингальные фонемы /ʔ/ и /h/, которые также взяли на себя роль кульминаторов.

Внутренним фактором, обусловившим столь своеобразную функциональную природу ларингальности, очевидно, является потребность в дополнительных (наряду с ударением) средствах объединения морфологических компонентов слова, что является характерной чертой агглютинативных языков (ср. сингармонизм в урало-алтайских и внутренние сандхи в дравидийских языках). В языке кечуа целостность слова во многих

²⁸ См., например: S. Singh Gill, Panjabi tonemics, «Anthropological linguistics», II, 6, 1960.

²⁹ См., например: С. Д. Канцельсон, Сравнительная акцентология германских языков, М. — Л., 1966, стр. 174—210; Г. С. Клычков, К типологии фонологических систем (исландский консонантизм и скандинавские тоны), сб. «Структурно-типологическое описание современных германских языков», М., 1966.

³⁰ P. Hajdú, Die sekundären anlautendennasale (ʔ-, h-) im Samojedischen, «Acta ling. Hung.», IV, fasc. 1—2, 1954.

³¹ D. de Santo Tomás, указ. соч., стр. 136—146. Любопытно, что в современном диалекте Кальехон-де-Уайлас (центральная группа диалектов) акцент, в общем, закреплен за первым слогом, причем он носит скорее музыкальный, чем динамический характер. Этот факт особенно знаменателен, если учесть выдвинутый в последнее время тезис о древности центральных диалектов и развитии их независимо от инкского влияния (см.: G. J. Parker, Waylas Quechua phonology, «Working papers in linguistics», II, 4, Honolulu, 1970).

³² Следует отметить, что характерные для кечуа правила несовместимости нескольких ларингальных элементов в слове в языке аймара прослеживаются лишь в виде определенной тенденции. Здесь возможны слова типа *phughi* «полный», *k'ist'u* «палка», *ch'ankha* «нить», *phallch'a* «светиться» и т. п. В кечуа подобные основы выступают без второго ларингала: ср. айм. *t'anti'a* «хлеб», кеч. *t'anta*; айм. *ghasqha* «грубый, жесткий», кеч. *ghasqa* и т. п. Это не позволяет дать просодическую интерпретацию аймаранской ларингальности.

³³ Другими факторами, способствующими охвату ларингализацией новых слоев лексики, могут быть аналогия и звуковой символизм; см.: B. Proulx, Proto-Quechua /ph/, IJAL, XXXVIII, 2, 1972.

случаях обеспечивается двойным кульминативным эффектом, создаваемым, с одной стороны, ударением, а с другой — ларингальными кульминаторами.

Представленная здесь схема развития является всего лишь гипотезой. Против нее может быть выдвинуто то возражение, что исчезновение маркирующих различительных признаков типологически более вероятно, чем их появление. В этой связи еще раз подчеркнем, что кечуанские комплексы смычные ни в коем случае нельзя отождествлять, например, с придыхательными и смычно-гортанными фонемами языков Кавказа и Америки. В языке кечуа аспирация и глоттализация — не обычные ингерентные признаки фонем, а фонологические единицы совершенно особого рода. Поэтому и судьба их может быть не совсем обычной. Окончательное же решение затронутых здесь проблем, очевидно, требует всестороннего учета как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. В частности, пока еще почти не исследованы просодические системы большинства диалектов кечуа.

В заключение остановимся на принципах сравнительно-исторических исследований в применении к языкам кечуа и аймара. Некоторым из работ, посвященным генетическим связям этих языков, свойственно игнорирование принципа регулярности звуковых соответствий³⁴ и преимущественное внимание к типологическим критериям в ущерб критерию материального сходства³⁵. Трудности, с которыми приходится сталкиваться компаративисту при исследовании языков и диалектов Андской зоны, вытекают из чрезвычайно сложных и многосторонних связей между этими языками. В ходе многовекового взаимодействия из одних языков и диалектов в другие переходили в больших количествах лексические и даже грамматические элементы, причем направление заимствования могло неоднократно меняться. Это заставляет проявлять известную осторожность при отборе материала для праязыковых реконструкций. В частности, следует четко разграничивать возможные «когнаты» и заимствования, которые, учитывая вышесказанное, должны быть весьма многочисленными. Прямолинейный же подход по принципу «генеалогического древа», когда праязыковые формы выводятся путем непосредственного сопоставления и суммирования форм современных диалектов, без учета их происхождения и развития, в данном случае себя явно не оправдывает³⁶.

³⁴ См., например: M. S w a d e s h, *Un nexo prehistórico entre quechua y tarasco*, «Anales del Instituto Nacional de antropología e historia», 49, México, 1969.

³⁵ Например: Y. L a s t r a d e S u á r e z, *Categorías posicionales en quechua y aymara*, «Anales de antropología», VII, México, 1970, и особенно: И. К. Ф е д о р о в а, К вопросу о сходстве между языками кечуа, аймара и полинезийскими, сб. «От Аляски до Огненной Земли», М., 1967.

³⁶ Подобный подход снижает достоверность выводов в цитированной работе К. О р р и Р. Лонгакра, несмотря на то, что критерий регулярности звуковых соответствий у них формально соблюден. Критические замечания по этому поводу см.: G. J. P a r k e r, *On the evidence for complex stops in Proto-Quechua*, IJAL, XXXIX, 2, 1973.